

Н.Е.Прокофьева

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ПАМЯТЬ: ГЕОРГИЕВСКИЙ СОБОР СВЯТО-ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ КАК МЕСТО ПАМЯТИ

Культурный ландшафт сочетает в себе элементы пространства и времени и представляет географические, социальные и культурные значения. Территория Свято-Юрьева монастыря имеет культурно-историческую ценность, обладает архитектурными памятниками, в том числе федерального значения (Георгиевский собор). Георгиевский собор воплощает усилие собирания вокруг себя уникального культурного ландшафта. Восстановление и преобразование культурного ландшафта как места памяти, значения, которые ландшафт воплощает в контексте современной культуры, могут быть проанализированы с помощью исторических, археологических, географических и культурологических исследований. В статье соотносятся определения культурной памяти и ландшафта как культурного текста в связи с развитием семиотической теории.

Ключевые слова: культурная память, места памяти, памятники культурного наследия, культурный ландшафт, Свято-Юрьев монастырь

В исследованиях социальной и культурной памяти, в границах социального контекста, практики памяти рассматриваются, в частности, в новаторских работах социолога М.Хальбвакса (1952), современного искусствоведа А.Варбурга. Отмечается, что Хальбвакс проблематизировал само понятие индивидуальной памяти, обращаясь к проблеме соотношения коллективной и индивидуальной памяти. «Сборка» памяти одновременно субъективна и объективна, индивидуальна и социальна. Объективность памяти состоит из фактического присутствия, материальных компонентов, а субъективность — из живых воспоминаний и воспоминаний символических (Я.Ассман). Культурная память обозначает здесь поток пространства и времени, свойственный объективным и субъективным линиям исторически расположенных сборок. В отличие от повседневной логики понимания времени как последовательного наслоения воспоминаний о прошлом (память как хранилище статических представлений), память в концепции Ж.Делёза воспринимается с точки зрения динамики, в частности, двух переплетенных временных линий, «прохождение настоящего и сохранение прошлого» [1].

Так, в контексте этой теории, культурный ландшафт представляется мысленной конструкцией, созданной движениями памяти и организованной разными коллективизирующими логиками. Память состоит из двойных временных движений, сокращения и расширения, в которых фактическое настоящее является только самой сжатой точкой виртуального прошлого. Концептуализация памяти в терминах двух движений, актуализации и виртуализации, дает нам динамическую культурную память вместо статических, неизменных и нереальных представлений о реальности [1].

Георгиевский собор и его некрополь, являясь выдающимся памятником, культурный ландшафт Юрьева монастыря в целом, представляет возможность концептуального анализа и интерпретаций, связанных с исследованиями, посвященными исторической и культурной памяти. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря сложился княжеский некрополь, связанный с новгородской княжеской резиденцией. Некрополь этот «формировался не последовательно, а пунктирно, что связано с отсутствием в Новгороде своей княжеской династии» [2].

Культурный ландшафт никогда не бывает просто природным пространством, это место, где мы устанавливаем нашу собственную человеческую организацию пространства и времени. Ландшафты — это сложные явления. Они сочетают в себе элементы пространства и времени, и представляют как политические, так и социальные и культурные конструкции. Со временем культурные ландшафты приобретают множество слоев значений, которые могут быть проанализированы с помощью исторических, археологических, географических и социологических походов и концепций [3].

В марте 2004 года на Международном совете по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) была принята декларация, которая фокусируется на культурных ландшафтах с точки зрения «взаимодействия людей и природы во времени». Большая часть культурных ландшафтов всемирного наследия — это непрерывно развивающиеся территории, где люди и природа существуют вместе. Ландшафт — это культурное явление, которое создается, в том числе искусственно. Культурные и природные элементы в конструкции ландшафта должны рассматриваться вместе, являясь ключевыми компонентами чувства места. Ландшафты могут выступать посредниками между естественным и социальным. Выделяются «вернакулярные» (обыденные) ландшафты, или «ландшафты повседневности», которые отличаются изменчивостью, «отождествляются с местными обычаями, прагматичной адаптацией к обстоятельствам и непредсказуемой подвижностью». Джексон сравнивает ландшафт с языком, имеющим «неясное происхождение» [4].

По определению ЮНЕСКО, «культурные ландшафты — это объекты всемирного наследия, представляющие собой «совместные творения человека и природы». Согласно классификации Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия, ландшафт Юрьева монастыря может быть отнесен

одновременно к категории развивающихся и ассоциативных ландшафтов, как сохранивший «свою активную социальную роль в той части современного общества, где сильны связи с традиционным образом жизни, и в которой продолжается эволюционный процесс; в то же время он демонстрирует значительные материальные свидетельства своей эволюции с течением времени». Ассоциативный культурный ландшафт «обусловлен наличием очень сильных религиозных, художественных и культурных связей природной части ландшафта, а не материальных культурных свидетельств, которые могут быть представлены незначительно или отсутствовать вовсе» [5].

Современные исследователи обозначают методологические границы изучения культурных ландшафтов как гуманитарное исследование истории и памяти места через призму ландшафта и территории, представление о культурном ландшафте, объединяющее историю места и его культурные традиции с природными и географическими характеристиками или ценностью развития региона. Восприятие человеком истории места само по себе имеет физические, социальные, временные, чувственные и эмоциональные коннотации, непосредственно связанные с ландшафтом [6].

Формирование и разработка ландшафтных «текстов» активно происходит в рамках семиотического дискурса. С точки зрения современной семиотической методологии происходит понимание ландшафта как способа культурного видения и познания мира. Важно научиться «читать» ландшафт, как объект культуры. Так, для Косгроува ландшафт представляет собой дискурс, тесно связанный со способами видения, посредством которого социальные группы исторически создавали себя и выстраивали свои отношения с землей и обществом. Миф и память «вторгаются в материальное существование ландшафтов». Джексон использует приемы визуального анализа для классификации и инвентаризации простых элементов ландшафта. Эти элементы варьируются от физического до политического и включают в себя границы, дороги, священные и мирские пространства, природные пространства, видимость и мобильность [7].

Концепция ландшафта как «видения» изучалась через метафоры «зрелища, театра, текста, вуали и взгляда». Сопоставление ландшафта с текстом заключалось в понимании ландшафта в качестве центрального элемента культурной системы, текста. Ландшафтный текст действует как система обозначений, через которую передается, воспроизводится, переживается социальная система. Ландшафтные интерпретации могут значительно различаться между авторами и читателями. Но в то же время ландшафтные тексты способны создавать свои собственные значения, независимо от намерений автора и различающихся интерпретаций читателей. Ландшафтные тексты несут свой собственный смысловой потенциал. Если пейзаж — это тексты, которые читаются, интерпретируются согласно укоренившимся в культурной традиции схемам интерпретации, но если они читаются «невнимательно», тогда они могут внушать своим читателям готовые представления о том, как организовано общество. С этой точки зрения предполагается, что культурные ландшафты в значительной степени связаны с доминирующими дискурсами власти и общества [8].

Георгиевский собор Свято-Юрьева стал усыпальницей настоятелей монастыря, ряда русских князей, бояр и новгородских посадников. Каменный собор в честь святого Георгия был заложен новгородским князем Всеволодом Мстиславичем в 1119 г. на левом берегу реки Волхов. Строительство каменного храма было связано с устройством (может быть — в том же году) мужского монастыря, патронированного князем. В южной его части под плитами древнего пола находились каменные княжеские гробницы XII и XIII веков. В западной части собора в деревянных колодах были обнаружены погребения посадников. В 1233 году погребены князь Фёдор Ярославич, старший брат Александра Невского, а в 1224 году и его мать Феодосия Мстиславна (в монастыре Ефросиния); в 1453 г. — Дмитрий Шемяка, претендент на великокняжеский престол.

В начале XIX в., когда настоятелем Юрьева монастыря (с 1822 г.) стал архимандрит Фотий, собор перестроили. В 1827 г. у северной стены Георгиевского собора был пристроен придел во имя святителя Феоктиста Новгородского. Под аркой, соединяющей собор и новую придельную церковь, поставили раку с мощами святителя. Сегодня в Юрьевом монастыре, как и прежде, святой архиепископ Феоктист глубоко почитается как молитвенник и заступник за братию. В 1807 году при ремонте Георгиевского собора были проведены раскопки, позволившие обнаружить там ряд каменных саркофагов. В 1920 году Юрьев монастырь был закрыт, богослужения в Георгиевском соборе были прекращены. В 1930-х гг. в ходе реставрации были уничтожены, и как считалось, безвозвратно утрачены: ризничная, паперть (1706 года), придел и рака святителя Феоктиста, архиепископа Новгородского, галерея, семиарусный иконостас XVIII века с древними иконами, полы, крытые чугунной плиткой, и древние захоронения под ними.

В 2013—2017 гг. в соборе и около него были проведены археологические раскопки, позволившие по-новому взглянуть на его архитектуру и мемориальную историю. Была открыта вся восточная часть храма, до того не подвергавшаяся исследованиям, а также заново обследована западная часть собора. Тогда была найдена самая большая древнерусская надпись-граффито, относящаяся к самому концу XII в. [9].

Поминальная надпись-граффито повествует о смерти князей Ростислава и Изяслава, сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича. Это событие описано и в Новгородской летописи: в 1198 г. у князя Ярослава Владимировича умерли два сына: старший Изяслав (княживший номинально в городе Луки) и Ростислав, и были погребены в Георгиевском соборе. Их погребение в парном саркофаге у южной стены собора было раскрыто в ходе археологических раскопок 1933 г. [10].

Примечательно, что княжеские погребения в соборе Юрьева монастыря не совершались до 1198 г., князей в Новгороде обычно хоронили в Софийском соборе. В ходе археологических исследований выявлены

княжеские погребения в храмах-некрополях: они располагались в нартексах, приделах, в западной части наоса или в специальных нишах-аркосолиях вдоль стен, что соответствует традиции размещения захоронений в храмах византийского мира [3]. В русском средневековом обществе сложилось особое отношение к княжескому гробу как к сакральному объекту. В минуты особой опасности мощи князя обносили вокруг стен города. Из летописных свидетельств ясно, что «погребенный в городском соборе правитель, в котором русские люди видели общего предка, «отца народа», часто приобретал статус молитвенника, защитника города перед Богом задолго до его официальной канонизации, а его гробница становилась местом молитвенного поклонения».

Ещё два погребения располагались у южной стены Георгиевского собора. Одно из них 1233 г., принадлежало князю Фёдору Ярославичу, старшему сыну князя Ярослава Всеволодовича, не сохранилось, а каменный саркофаг его матери, княгини Феодосии (перед смертью постригшейся в монахини под именем Евфросиньи) 1244 г. сохранился. Над гробом княгини на поздней мраморной плите была сделана надпись, в которой говорилось о погребении на этом месте княгини, что подтверждает сохранившуюся историческую память.

В северо-западном углу вновь открыт саркофаг парного погребения игуменов монастыря, сложенный из византийского кирпича-плинфы, в первой половине XII в. Группа из четырёх погребений была обнаружена в южном отделении алтаря собора. Это детские погребения в деревянных колодах примерно одного периода. Здесь поражает несоответствие престижного места погребения — в алтаре — и бедного характера самих погребений [2]. Ещё одно погребение было открыто в северной части собора, где в 2013 г. нашли плиту с надписью о перезахоронении на этом месте в 1786 г. останков архиепископа, святого Феоктиста, мощи которого перенесли в монастырь из соседней обители, где его похоронили в 1310 г.

В 2015—2016 гг. предприняты раскопки у северного фасада храма. Здесь обнаружены фундаменты поздних пристроек, а также каменные плиты, прикрывавшие захоронения в деревянных гробах, устроенные в XIV—XV вв. Эти массивные каменные плиты представляют особый вид погребений. Если погребения в саркофагах можно связать с новгородскими крупными феодалами, боярами, то погребения под плитами — с мелкими феодалами, так называемыми житейными людьми, сообщения о которых содержатся в летописях и актовых документах XIV—XV вв. [2].

Княжеский гроб внутри храма, благодаря украшенности, образовывал вокруг себя «концентрированное» пространство святости. Ещё Г.В.Федотов, исследуя понятие княжеской святости, отмечал, что почитание князей в Древней Руси зачастую вырастало не из живой памяти об их деяниях, а из «немой гробницы», сохранявшей иногда лишь святое имя князя, в ней погребенного. Современные археологические исследования подтверждают, что история русской княжеской святости — это история идентификации гробниц, обнаруженных при перестройках древних соборов либо в связи с какими-то другими особыми обстоятельствами [3]. Наибольшее количество таких идентификаций приходится на XV—XVI вв., время интенсивного формирования пантеона русских святых. По совершавшимся чудесам нередко определяли, где чья гробница. Именно к XV—XVI вв. относится множество свидетельств новгородцев о чудесах и знамениях. В них говорится о том, что чудесная сила святых мощей требует выволить ее из забвения и выделить из ряда безымянных надгробий.

Основные динамические качества культурного ландшафта, независимо от модели использования культурной группой, выделяют его в качестве культурного ресурса, нуждающегося в защите и сохранении. Для актуализации памяти о прошлом необходимо сформировать представление о местах памяти, мемориальных и сакральных пространствах. Огромное влияние на восстановление непрерывности памяти прошлого и защиты материальных проявлений этой памяти оказывают археологические, культурологические и регионоведческие исследования.

1. Tan Leon. Museums and cultural memory in an age of networks // *International Journal of Cultural Studies*. 2012. Vol. 16(4). P. 383-399.
2. Седов Вл.В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 2. С. 142-158.
3. Самойлова Т.Е. Священное пространство княжеского гроба [Электр. ресурс] // *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси*. М., 2006. С. 579-611. URL: http://hierotopy.ru/contents/CreationOfSacralSpaces_25_Samoilova_SacredSpacePrincelyTomb_2006_RusEng.pdf (дата обращения: 20.01.2020).
4. Jackson John B. *Discovering the Vernacular Landscape*. New Haven: Yale University Press, 1984. P. 156.
5. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. Центр всемирного наследия. 2013. П. 47. С. 198-199 [Электр. ресурс]. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/08/10/26_11_2013_4.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
6. Baker Alison, Marques Bruno. Out of Place: Rewriting the Signatures of a Landscape [Электр. ресурс] // *Spaces and Flows: An International Journal of Urban and ExtraUrban Studies*. 2017. Vol. 8. Iss. 4. URL: https://www.academia.edu/35808213/Out_of_Place_Rewriting_the_Signatures_of_a_Landscape (дата обращения: 30.09.2019).
7. Griffith C. Cultural Landscape: Methodological Boundaries. SARC 810: Position Paper December 16, 2015 [Электр. ресурс]. URL: https://www.academia.edu/19708373/Cultural_Landscape_Methodological_Boundaries (дата обращения: 30.09.2019).
8. Bellentani Federico. Landscape as text [Электр. ресурс] // *Concepts for Semiotics*. Tartu semiotics library 16. Tartu Press, 2016. P. 76-87. URL: https://www.academia.edu/29796408/Landscape_as_text (дата обращения: 30.09.2019).
9. Гиппиус А.А., Седов Вл.В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // *Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А.Макарова*. М.—Вологда: Древности Севера, 2015. С. 478-490.
10. Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (1933—1935) // *Советская археология*. Вып. VIII. М.—Л., 1946. С. 195-222.

References

1. Tan Leon. Museums and cultural memory in an age of networks. *International Journal of Cultural Studies*, 2012, vol. 16(4), pp. 383-399.
2. Sedov VI.V. Knyazheskie sarkofagi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya [Princely sarcophagi of St. George's Cathedral of St. George's Monastery]. *Vestnik RFFI, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 2, pp. 142-158.
3. Samoylova T.E. Svyashchennoe prostranstvo knyazheskogo groba [The sacred space of the prince's tomb]. *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi*. Moscow, 2006, pp. 579-611. Available at: http://hierotopy.ru/contents/CreationOfSacralSpaces_25_Samoylova_SacredSpacePrincelyTomb_2006_RusEng.pdf (accessed: 20.01.2020).
4. Jackson John B. *Discovering the Vernacular Landscape*. New Haven, Yale University Press Publ., 1984, p. 156.
5. Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vseмирного naslediya. Tsentr vseмирного naslediya [Guidelines for the implementation of the World Heritage Convention. World Heritage Center]. 2013, p. 47, pp. 198-199. Available at: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/08/10/26_11_2013_4.pdf (accessed: 30.09.2019).
6. Baker Alison, Marques Bruno. Out of Place: Rewriting the Signatures of a Landscape. *Spaces and Flows: An International Journal of Urban and ExtraUrban Studies*, 2017, vol. 8, iss. 4. Available at: https://www.academia.edu/35808213/Out_of_Place_Rewriting_the_Signatures_of_a_Landscape (accessed: 30.09.2019).
7. Griffith C. Cultural Landscape: Methodological Boundaries. SARC 810: Position Paper December 16, 2015. Available at: https://www.academia.edu/19708373/Cultural_Landscape_Methodological_Boundaries (accessed: 30.09.2019).
8. Bellentani Federico. Landscape as text. *Concepts for Semiotics*. Tartu semiotics library 16. Tartu Press, 2016, pp. 76-87. Available at: https://www.academia.edu/29796408/Landscape_as_text (accessed: 30.09.2019).
9. Gippius A.A., Sedov VI.V. Nadpis'-graffito 1198 goda iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya [Graffiti inscription of 1198 from the St. George Cathedral of St. George's Monastery]. *Goroda i vesi Srednevekovoy Rusi. Arkheologiya, istoriya, kul'tura*. K 60-letiyu N.A.Makarova. Moscow, Vologda, 2015, pp. 478-490.
10. Karger M.K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya (1933—1935) [Excavations and restoration work in the St. George Cathedral of St. George's Monastery (1933—1935)]. *Sovetskaya arkheologiya*, iss. VIII. Moscow, Leningrad, 1946, pp. 195-222.

Prokofieva N.E. Cultural landscape and memory: the Georgian cathedral of St. George Monastery as a place of memory. The cultural landscape combines elements of space and time and represents geographical, social, and cultural values. The territory of the St. George Monastery and its properties including those of federal significance (St. George's Cathedral) have cultural and historical value. The restoration and transformation of the unique cultural landscape around St. George's Cathedral as a place of memory, the values that the landscape embodies in the context of modern culture, can be analysed with the help of historical, archaeological, geographical, and cultural studies. The article compares definitions of cultural memory and landscape as a cultural text in connection with the development of semiotic theory.

Keywords: cultural memory, places of memory, monuments of cultural heritage, cultural landscape, St. George Monastery.

Сведения об авторе. Наталья Евгеньевна Прокофьева — канд. ист. наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Новгородский Государственный Университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; ORCID: 0000-0002-5867-0563; prokof2004@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.